

ОНИРИЗМ И ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР СЮРРЕАЛИЗМА

Ясмينا Мойсиева-Гушева

*Институт македонской литературы,
Университет им. св. Кирилла и Мефодия, Скопье, Македония*

Key words: onirism, surrealism, imaginative process, higher reality, word play, associations, dreaming, hallucinative creations, condensing, bridging, symbolizing

Summary: This article is dedicated to the relation between onirism and the surrealist poetic image which, seen from higher grounds, are closely interconnected. The etymological interpretation of dreaming indicates it is a specific state of the spirit that is characterised with hallucinative creations and disturbances of the realistic logical perception. Surrealism, on the other hand, is based on the belief in a higher reality of certain, already forgotten, forms of association, as well as on the belief in the power of dreams and the free word play. It is obvious that both of these phenomena are characterised by the unusual reality that is a result of a creation which inevitably contains inspiration as the initial imaginative process. What brings them closer together are also the common, easily recognisable mechanisms of reflecting, condensing, bridging, symbolizing, and other characteristics that can be found in both areas. It is what conditions their interconnection and this article shall illustrate it practically through the abundant poetry teeming with oniric surrealist images written by Serbian, Macedonian and French poets (Milan Dedinac, Dushan Matich, Vlada Uroshevich, Mateja Matevski and Robert Desnos).

Если рассматривать ониризм и поэтический мир сюрреализма как художественное представление сюрреалистического мировидения с более высокого уровня абстракции, можно выявить некоторые важные знаки их тесной взаимосвязи. Обнаруженная взаимосвязь не осталась незамеченной многочисленными интерпретаторами. Особенно интересно, что ее можно обнаружить и в этимологическом родстве и толковании этих понятий.

Термин «ониризм» восходит к древнегреческому слову *ονειρος*, означавшему особое состояние духа, характеризующееся галлюцинациями и разрушением логического мышления. Такое состояние само по себе может не восприниматься только как ирреальное, оно, скорее всего, сюрреалистическое. Сюрреализм же, в свою очередь, основан на вере в высшую реальность, на определенных формах ассоциаций, вытесненных и забытых, на силе сна и свободной

игре слов. Столкновение далеких, логически несовместимых реальностей, которые А. Бретон в своем манифесте сюрреализма провозглашает важнейшими характеристиками сюрреалистической поэтики, в сущности, представляет собой систему, на которой покоится воображаемый мир сюрреализма. В нее встраивается желание все довести до конца, обработать литературно, реабилитировать иррациональное. Разрушение антиномии сна и яви является первым шагом в этом сложном и долговременном процессе, в результате которого старую дихотомию заменяют новые измененные реальности, формирующие сверхреальность. И понимание этого процесса, указывающего на тайну иррационального, сближает сюрреалистическую поэтику с областью сна.

Таким образом, речь идет о двух близких феноменах, в ходе которых в сфере подсознательного возникает сверхреальность. Она (сверхреальность) обычно создается во сне, в грезах, автоматическом письме, которое имеет тенденцию быть надреальным, бессознательным. Описание и толкование снов в сюрреализме представляет собой способ превращения поэтического сходства в привилегированную материю. Поиски неосознаваемого и использование форм утраченного подсознания расширяют горизонты грез, галлюцинаций. То, что сначала казалось сном, впоследствии становится ирреальным. Создание необычной реальности является следствием свободной необходимости спонтанного автоматизма. Можно утверждать, что сюрреалистическое стихотворение – это результат эксперимента с поэтическими образами, которые, как и сны, бурют свое начало в подсознании.

Для Бретона (Breton, 1972: 31) сюрреалистические поэтические образы – это чистое творение духа, так же как и сны. Сны всегда присутствуют в сюрреалистической поэзии, которая и сама является чудесным недосказанным сном. Поэтическое творчество и сон возникают спонтанно, неосознанно, они не нуждаются в метакогнитивном посредничестве или в логической медитации, даже в медитации в истинном смысле этого слова. Бретон говорит: «... через случайное сближение этих двух слов пробивается необычный свет, сияние образа» (Breton, 1972: 45), который вызывает особое восхищение у сюрреалистов. Ценность сюрреалистической картины настолько велика, насколько больший эффект неожиданности она вызывает, или, пользуясь сюрреалистической терминологией, насколько велико различие *в потенциале двух проводников*. Это достигается не путем сознательного сопоставления двух различных реальностей, потому что хорошо известный принцип ассоциации

противоречит такому способу действия, а путем свободного погружения в обширную область бессознательного. Это же, со своей стороны, способствует созданию прекраснейших нереальных картин, возникших в результате этого процесса, неопределенного и иррационального. Появление сюрреалистических образов непредсказуемо, а значение их непереводаемо. В них код и сообщение не являются консеквентными, они следуют логике освобождения слова от однозначности и детерминированности, поэтому образы больше не базируются на предопределенных атрибутах и символах, а слова используются в производном значении. При этом берется во внимание их символический потенциал, который помогает сконструированному значению создать новую реальность. Этот процесс креации базируется на постулате Гастона Башлара (Bachelard, 1982), который мы можем перефразировать следующим образом: существование реального невозможно без воображаемого. Это означает, что воображение создает собственную реальность и управляет ею. В то же время сюрреалистические картины – это реальность, основанная на воображении и иллюзии, берущих свое начало в пространстве сна. Это произведения сновидений наяву, и они представляют собой излияния поэтической души.

Что же представляет собой сон? Сон – это и состояние, и рассказ о нем. В этом рассказе существует запутанное бытие, в таинственную преддискурсную реальность которого, как говорит, Лакан (Lacan, 1975: 33), можно вернуться лишь посредством сна. Так, соотношение *сон-рассказ* становится основой для любой идеи познания. К познанию сон, так же как и литература, приходит через драматизацию реальности посредством метафорических и метонимических картин. Это происходит тогда, когда писатель наполняет реальные формы онирической материей. Таким образом, как поясняет Башлар (Bachelard, 1982: 187), он показывает взаимодействие функций реального и воображаемого.

Сюрреалисты верят снам, верят в силу их предсказаний. Часто они провозглашают победу сна над вторичным состоянием бодрствования. Отсюда и повышенный интерес к снам, не только как к специфическому стоянию духа, креативной мифопоэтической имажинации, но и как к способу экспликации своего жизненного опыта. Такое понимание сна мы встречаем в заметке сербского поэта-сюрреалиста Милана Дединаца, посвященной созданию стихотворения «Баллада човека који је уснио мреже» («Баллада человека, который уснул в сетях»), где поэт рассказывает, как задолго до Второй мировой

войны и плена ему приснился сон, в котором он увидел себя запутавшимся в сетях:

*Сећам се колико пута, док је пун Месећ високо,
Над кровом мојим блудио,
сећам се колко сам пута, ночу, престрављен
скако,
на бацајући руке грцао ка свету јаве не бих ли се
пробудио
и викао: „ Мреже!“ – „ Мреже!“ и горко потом
плакао.*
(Dedinac, 1981: 115)

Этот сон поверг его в депрессивное состояние, вызванное неприятным чувством несвободы и неподвижности. Чувство было настолько интенсивным, что казалось реальностью, хотя детали сна растворились в мраке подсознания. Остались только неприятные эмоции, которые продолжили свое существование и в реальности как предупреждение о страшном будущем.

*Ја сан упамтио нисам, ал руке се сечах њене,
тишине и својих суза.
И не знадох бејаш ли риба коју је рибар са Мљета
Од Језера испросио,
да `л риба морска у мрежи, ил свесда или медуза?*
(Dedinac, 1981: 116)

Много лет спустя, когда поэт действительно оказался за колючей проволокой, он вспомнил о своем прекогнитивном сне и написал балладу. Это стихотворение, как и многие другие, созданные в заключении, помогали ему справиться со страшной реальностью.

Сюрреалистическая поэзия подразумевает освобождение человеческой жизни, потому что позволяет избежать порабощения разумом и границами реальности. Это бегство зачастую ведет к желанному удовольствию и осуществлению скрытых потребностей. В этом контексте нельзя не вспомнить стихотворение французского сюрреалиста Робера Десноса «J'ai tant rêvé de toi» (« Как часто я видел тебя во сне») из цикла «A la mystérieuse» («Таинственной») 1926 г.

*J'ai tant rêvé de toi, tant marché, parlé, couché avec
ton fantôme qu'il ne me reste plus peut-être, et pour-tant,
qu'à être fantôme parmi les fantômes et plus ombre
cent fois que l'ombre qui se promène et se promènera
allégrement sur le cardan solaire de ta vie.*
(Robert Desnos, 1930: 91)

Перед смертью от тифа, которым он заразился в концлагерях Освенцим, Бухенвальд и Терезин, после того как он был освобожден союзническими войсками в 1945 г., с чувством облегчения и удовольствия он написал новую версию этого стихотворения и передал ее Йозефу Стуне, чешскому студенту, своему поверенному в предсмертные часы. Стихотворение позднее будет опубликовано под названием «La dernier poeme» («Последняя песня»):

*J'ai rêvé tellement fort de toi,
J'ai tellement marché, tellement parlé,
Tellement aimé ton ombre,
Qu'il ne me reste plus rien de toi.
Il me reste d'être l'ombre parmi les ombres
D'être cent fois plus ombre que l'ombre
D'être l'ombre qui viendra et reviendra
dans ta vie ensoleillée.*
(Robert Desnos, 1949: 223)

Во сне обычно происходит своеобразная материализация мыслей, так что желаемое может стать реальностью. При этом очень часто от радости сна мы переходим к радости говорения. В пространстве сна живут воспоминания о том, что приносит счастье, как в нежной лирической песне «После буђења» («После пробуждения») одного из основателей сербского сюрреализма Милана Дединаца.

*После буђења ја чувам руке да их нико не дирне:
нека ми остану топле од твога додира из сновиња.*
(Dedinac, 1981: 112)

Для сюрреалистов сон – это кариатида, подпора, удерживающая все удовольствия, включая и творческий гедонизм, освобожденный от заданных форм. Он как часть бессознательного содержит чудесную побудительную силу, представляющую собой царство свободы, противопоставленное царству необходимости, с которым мы

сталкиваемся в реальности. Между тем, сон всегда провоцирует и подкрепляет свободу воображения. В духе теории психоанализа, которая инициирует у сюрреалистов творческое осознание, осуществление самых различных желаний, или же, если опираться на Фрейда, является выразителем принципа удовольствия, Душан Матић в одном из своих четверостиший пишет:

*Рађање форме
Геометрија Фројдовог Начела Задовољства
Или
Они тада треже партнера скојим ће умтети
једно у другом оном
Опојном смрћу која се зове љубав: умрети
и стварати заједно,
Заједно бити богови, како каже Мишле
(Матић, 1977: 28)*

Литературное творчество – это игра в победу над самим собой, в которой, чтобы добраться до художественной правды, мы пользуемся иллюзиями, хватаемся за спасительную соломинку воображения, за нереальное, чтобы вновь вернуться в реальный мир. Игра по большей части состоит из преодоления человеческой ограниченности. С помощью игры воображения мы осуществляем наши заветные желания, осваиваем новые пространства, забываем о страданиях. Речь идет о разрушении ограничений, о свободном движении во всех направлениях, о преодолении самого себя. «Во сне мы бредём по воле случая», сталкиваемся с различными «непредвиденными обстоятельствами» – так говорит македонский поэт Влада Урошевич в своем цикле, посвященном спящим и снам из сборника «Свездена терезија» («Звездные весы»). И продолжает в этом же стиле, описывая спящего человека как того, у «кого нет определенного места», потому что «ни одно время его не принимает» (Урошевиќ, 2004: 156).

*Секој сонувач е наедно и летач,
Нема цел, ни самиот не знае што бара,
Ги голта, вџашен, бесконечностите нови.
Нокта трае со векови, сè до зорите.
Лесен како летало од глуварка, тој плови
Оплодувајќи ги со сон просторите
(Урошевиќ 1992: 199)*

Проникновение в глубины сна – это не только бессмысленное шатание по необычным пределам или же покорение духа свободы, но и осознание его устрашающих размеров. Оно присутствует во всех будящих воображение поэтических картинах, изображающих ночные кошмары, пробуждающих индивидуальный и коллективный страх перед неизвестным, голосами, заставляющих ощущать себя маленьким, далеким, распадающимся на части, о чем свидетельствуют названия стихотворений цикла «Далечни краишта, соништа блиски» («Далеките края, близкие сны») македонского поэта сюрреалистической направленности Матея Матевского. Не случайно во сне к нему приходит безбрежный океан, который он придумывает, чтобы защитить свое пространство, однако ожидания поэта не оправдываются:

*Јас го измислив за да ми даде простор
движење кон бескрајот
разграничување на сонот
а тој ме ограничува со стравот
со уплавот со изгубениот спокој
со планиката пред идното непостоење на светот...*
(Матевски, 2005: 108)

Так, ониризм и сюрреалистическое переживание сливаются в единое спонтанное ощущение счастья и ужаса, которые мирно сосуществуют и не оставляют в жизни никаких драматических последствий. Привилегия быть над ними, а одновременно и в них – это знак художественной силы.

Устрашающие размеры сна у некоторых поэтов-сюрреалистов (например, в «Компасот на сонот» («Компасе сна») Урошевича) в сущности являются метафорой угрозы, которая не имеет под собой реального основания. Ее появление можно объяснить только как поэтическую форму нового единства мыслей, сна и действия, стирающего границы между искусством и жизнью. Поэтика сюрреализма тяготеет к синтезу всех этих эмпирических форм, и поэтому в сюрреализме прекрасное и ужасное, истинное и воображаемое перестают рассматриваться как нечто противопоставленное. Сюрреалисты воспринимают случайность как место совпадения рационального с иррациональным, совместимого с несовместимым. Вследствие чего их поэзия превращается в коллаж: технику соединения различных алогичных, фрагментарных, некогерентно разбитых поэтических образов. Этот стилистический

прием непрерывного нанизывания диспарантных поэтических образов характерен для сюрреалистической поэзии, которая стремится преобразить мир и изменить жизнь. Сюрреалисты верят в чудодейственную силу слова. Автоматическое письмо, сновидения или же другие формы сюрреалистической практики позволяют создать некую всеобщую сюрреалистическую действительность, преобразующую мир. Основная характеристика этого приема – поиск свободы, манящей нас в пределы сновидений. Это путь к пониманию прекрасного и ужасного, так что сюрреализм и ониризм слиты воедино не только внешне, но и внутренне.

Мы можем свободно сказать, что попытка сблизить поэтические картины сюрреализма и сна приближает нас к глобальной проблеме определения отношений между ониризмом и литературой. Любое литературное произведение в процессе своего создания связано с ониризмом, представляющим собой своеобразный вид творчества. Их сравнение позволяет нам говорить, что они дополняют друг друга по многим аспектам. И сны, и поэзия – это связующие нити между различными сторонами реального и воображаемого, они обладают магической силой в поисках правды и противостоянии угрозе смерти, и обе стороны связаны мощью слова и образа. Рассматривая ониризм и сюрреалистическую поэзию как особое состояние духа творца и как текст, наделяющий силой осознания и сопротивления реальности, мы открываем новый аспект для дискуссии.

Перевод с макед. Н.В. Боронниковой

Литература:

- Bachelard, Gaston. 1982. *Poetika sanjarije*. Sarajevo: Veselin Masleša.
Breton, Andre. 1872. *Tri manifesta nadrealizma*. Kruševac: Bagdala.
Dedinac, Milan. 1981. *Sabrane pesme*. Beograd: Nolit.
Desnos, Robert. 1930. *Corps et biens*.
Desnos, Robert. 1949. *Poètes d'Aujourd'hui*. éd. Seghers.
Lacan, 1975. *Encore*. Paris. Seuil.
Матић, Душан. 1977. *Муњевити мир*. Београд: Нолит.
Матевски, Матеја. 2005. *Црна кула*. Скопје: Матица.
Урошевиќ, Влада. 1992. *Атлантида, остатоци*. Скопје: Македонска книга.
Урошевиќ, Влада. 2004. *Свездени овоштарници*. Скопје: Магор.